

Елена Арсеньева

Злая жена (Андрей Боголюбский)

*Часть сборника
Преступления страсти. Месть
за любовь (сборник)*

Преступления страсти. Месть за любовь

Елена Арсеньева

Злая жена (Андрей Боголюбский)

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Злая жена (Андрей Боголюбский) / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Преступления страсти. Месть за любовь)

«Эта история, как и вообще всё на свете, началась именно с любви: пылкой, страстной, неудержимой – и запретной. Впрочем, запретная любовь всегда бывает только пылкой, страстной и неудержимой, ибо нет ничего слаще запретного плода, что было известно еще праотцам нашим. Было известно и знаменитому князю Юрию Долгорукому, основателю Москвы...»

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Злая жена

(Андрей Боголюбский, Россия)

Эта история, как и вообще всё на свете, началась именно с любви: пылкой, страстной, неудержимой – и запретной. Впрочем, запретная любовь всегда бывает только пылкой, страстной и неудержимой, ибо нет ничего слаще запретного плода, что было известно еще праотцам нашим.

Было известно и знаменитому князю Юрию Долгорукому, основателю Москвы.

Кстати, на самом деле – коли уж строго следовать букве истории – основал столицу России вовсе не он. И если рассматривать в качестве основателя человека, который первым поселился на том или ином месте, тогда нужно назвать не князя Юрия, а боярина Кучку. Таково было его «родимое», то есть данное при рождении, имя, а вовсе не фамилия, как принято считать. Потому что во всех исторических документах дети его зовутся Кучковичи, а не Степановичи. Видимо, Степаном был Кучка окрещен уже в достаточно зрелые годы. Подобные чудеса случались на Руси, особенно на ее севере, не вполне еще охваченном христианским угаром. В любом случае – христианские и «родимые» имена еще долго будут мирно уживаться вместе. Навскидку можно вспомнить хотя бы воинственных иноков Александра-Пересвета и Родиона-Ослябю, а также мрачного Малюту Скуратова, которого «официально» именовали Григорием Ефимовичем Скуратовым-Бельским.

Но мы несколько отвлеклись.

Строго говоря, и Кучка был не первый обитатель будущей столицы Руси: славянские племена селились тут задолго до него. На Москве-реке, в районе современного Коломенского, располагалось так называемое Дьяковское городище. Стояли славянские селения и на месте Нескучного сада, в районе Самотеки, по берегам Неглинки. Однако история начинается именно с отсчета со Степана Кучки.

Был он богат, и очень может статься, что Кучкой стал зваться именно потому, что предок его собирал «в кучку» свое добро, в числе которого было недвижимое имущество: «красные села» по реке Москве – Воробьево, Высоцкое, Кудрино, Сущево... А может быть, сей предок был рачительным хозяином, ибо по-старославянски «куча» – дом. Впрочем, это не суть важно.

Сей Кучка был не просто так боярином-помещиком, а суздальским тысяцким¹. Он находился в прямом подчинении у князя суздальского Юрия Долгорукого. А младший сын Владимира Мономаха, в летописях, как правило, называемый на скандинавский и старорусский лад Гюрги, был славен не только храбростью и воинскими подвигами. Он был великий жизне- и женолюб.

Жизнелюбие его выражалось во многих пирушках, которые он проводил, «ночи играя на скомонех и пия со дружиною», по выражению летописца. «Скомони» – это дудки, гудки. А слово «женолюбие» в расшифровке не нуждается. И среди множества жен, которыми обладал любвеобильный Гюрги, была одна, которая надолго привлекла к себе его, выражаясь языком классиков, непостоянное сердце.

Ее звали Ульяновна. Вот так, без имени, и вошла она в историю. Ведь замужних женщин принято было называть по отчеству – для солидности. Именно поэтому всем отлично известно отчество супруги злополучного князя Игоря – Ярославна, – но мало кому знакомо ее имя: Евфросинья.

---

¹ Тысяцкий – военный предводитель городского ополчения на Руси до XV в.

Так или иначе, но Гюрги крепко любил ту самую Ульяновну. Настолько крепко, что пользовался любой возможностью повидаться с ней. В изложении В. Татищева, автора знаменитой «Русской истории», выглядело это так: «Юрий, хотя имел княгиню, любви достойную, и ее любил, но при том многих жен подданных часто навещал и с ними более, нежели с княгиней, веселился, ночи, сквозь музыку проигрывая и пия, препровождал, чем многие вельможи его оскорблялись, а молодые, следуя более своему уму, нежели благочестному старейших наставлению, в том ему советом и делом служили. Между всеми полюбовницами жена тысяцкого суздальского Кучки наиболее им владела, он все по ее хотению делал».

Но, как ни велики были «хотение» Ульяновны и власть князя над своими подданными, а все-таки боярин Кучка изрядно мешал им обоим своим присутствием. И пусть он порою навещал свои владения, но все же рано или поздно возвращался. И в «служебные командировки» (существовало же нечто подобное и в то время, хоть и называлось, конечно, иначе!) его не удавалось посылать так часто, как мечталось Долгорукому.

Гюрги злобился на судьбу, разлучавшую его с возлюбленной, досадуя, что все выходит точно по пословице: «Жене глава муж, а мужу – князь, а князю – Бог». С Богом Гюрги обходился по-свойски – делал вид, что знать не знает ту из его заповедей, которая гласит: «Не любодействуй!» А вот муж – Кучка – по-прежнему оставался главой своей жене. И хоть князь считался, в свою очередь, главой мужа, а все же не мог устранить его со своего пути. Ах, кабы война какая-нибудь случилась, что ли! Тогда Кучка вместе со своей тысячей отправился бы в поход и был бы устранен надолго, а если повезет, то и навсегда (ведь на войне, случается, убивают!).

С другой стороны, война – палка о двух концах. Ведь вести войско в поход должен не кто иной, как князь...

Длился роман Гюрги, длился, и вот однажды войско князево приготовилось выступить на Торжок: Долгорукий желал досадить ненавистным своим племянникам – Мстиславичам. Однако случилось так, что именно в то время боярин Кучка получил неоспоримое свидетельство того, что он – обманутый муж.

У него уже было два старших сына: Иоаким и Илья, по семи и пяти лет, а еще четырехлетняя дочь Улита. После ее рождения Ульяновна никак не чреватела (это любимое слово старинных авторов переводится очень просто – не беременела), и тому были совершенно естественные причины: Кучка утратил некоторые мужские способности. В принципе, именно это и заставило пылкую боярыню искать утешения в объятиях другого мужчины, ибо естество человеческое пребывает неизменно во все времена. Но нетрудно догадаться, что именно подумает мужчина, который с женой не спит, однако вдруг видит, что она делается бледна и худя, со всякой пищи ее воротит, а горничные девки, строго допрошенные хозяином, признаются, что женские дни у боярыни уже давно не приходили...

Кучка подступил к Ульяновне с прямыми обвинениями, и она не выдержала: созналась в измене. Но кто сказал «А», тот скажет и «Б». Кучка пригрозил жене, что выбьет у нее «плод из чрева кулаками», если она не признается, кто ее, грубо говоря, обрюхатил. Ульяновна испугалась за свою жизнь и выдала любовника.

Бог ее знает, может быть, она не очень и запиралась, убежденная, что имя грозного Гюрги испугает Кучку, тот смирится со своим позором и отстанет от жены. Может быть, поймет, сколь невыгодно ему ссориться со всемогущим князем. Подумает, не лучше ли ему смириться, тем паче что позор уже все равно свершился, дело как бы прошлое, а кто старое помянет...

Однако лавры нового Амфитриона² боярина нисколько не привлекали – хотя бы потому, что он о них и слыхом не слыхал. Разъярился люто: князь, которому он служил верно и преданно, на это наплевал, опозорил старого слугу! И Кучка решил, что теперь он свободен от

---

² Персонаж античной мифологии, символ снисходительного рогоносца, который извлекает пользу из измены жены.

обязательств перед таким господином и не станет больше проливать за него кровь. И не стал: самовольно сложил с себя обязанности тысяцкого и удалился с семьей из Суздаля в Кучково, на Москву-реку, вместо того чтобы отправиться в поход. Фактически дезертировал.

Кучка, впрочем, хорошо знал вспыльчивый и неумный нрав своего князя: ясно дело, тот не простит прямого отступничества – особенно в военное время. Поэтому на Москве-реке Кучка долго задерживаться не собирался: хотел только взять из тайника зарытое на черный день золото (вот он и настал, такой день!) и двинуть с сыновьями и дочкой в стольный Киев-град, где в то время княжил Изяслав Мстиславич, племянник Гюрги. Между князьями была откровенная вражда, ибо «Гюрги сам зарился зело на великокняжеский стол», по словам летописца, поэтому Кучка мог быть уверен, что найдет у Изяслава приют и покровительство.

Жену боярин немедленно по приезде в Кучково заточил в «истопницу», как сказано в летописи, а сам начал собирать добро. Бежать он намеревался только с детьми. А беременная женщина была оставлена в истопнице – проще говоря, дровяном сарае без пищи и воды: на верную смерть.

Однако выехать в Киев так скоро, как хотел Кучка, ему не удалось: помешали сыновья. Они были еще совсем дети, однако даже и малым детям нетрудно догадаться, для чего избитую, полуживую женщину запирают в холодном сарае и не берут с собой, когда собираются отъезжать в дальний путь.

Малыцы боялись и почитали отца, однако не хотели расставаться с матерью и подняли крик, умоляя батюшку взять с собой и матушку. Рыдала и нянька Улитушки, Микитовна. Старший сын Иоаким (попросту Аким, Акимка) вообще убежал в лесок и спрятался где-то.

Бросить сыновей Кучка не мог. Акимку начали ловить. А тем временем... А тем временем Гюрги, уже выступивший было в поход, обнаружил, что одного из его тысяцких на месте нет.

Не составило труда выяснить, куда именно подался беглый. И Гюрги понял, что его полюбовнице грозит беда бедучая.

Видимо, был князь не столь бессердечен, каким его привыкли считать. Он отложил выступление и ринулся по следам Кучки. Так Гюрги в первый раз попал туда, где впоследствии встанет его знаменитый памятник – тот самый, с простертой десницею, со взором, устремленным куда-то вдаль...

В первую минуту ему было, впрочем, не до далей. Более близкие и конкретные дела требовали незамедлительного рассмотрения!

Московское предание повествует обо всем случившемся весьма уклончиво: «Тот Кучка встретил князя зело гордо и недружелюбно. Возгордился зело и не почтил подобающею честью, а к тому и поносил ему. Не стерпя той хулы, князь повелел того боярина ухватить и смерти предать».

Скороспелую вдову извлекли из пресловутой истопницы и ввергли в объятия князя. Вдоволь нацеловавшись и ободрив детей, которые плакали от горя по отцу, но радовались, что жива осталась мать, князь Гюрги огляделся наконец – да так и ахнул. Теперь ему стало понятно, почему покойный Кучка, едва выпадала малая возможность, отъезжал от Суздаля в свое дальнее имение. Прекрасные места! Этот простор, открывающийся с высокого холма, эти две извилистых реки, эта немыслимая даль... Вот и до нее дошел черед! Оглядевшись, Гюрги решил, что здесь будет город. Его город!

Вот так оно и вышло, что на Боровицком холме поставил Гюрги свой княжий терем и дал тому месту новое название. В 1147 году он писал своему союзнику, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу: «Приди, брате, ко мне на Москов». Тот год и считается годом основания будущей столицы Руси. Именно благодаря пиру, который устроил Гюрги для Святослава, упоминание о ней и попало впервые в летописи. Между прочим, на пиру Олег, сын Святослава, подарил Долгорукому редкостного по своей красоте парда, то есть барса. Н. Карамзин

ссылается на летописцев, которые так оценивают строительство нового города: «Москва есть *третий* Рим, – говорят сии повествователи, – а четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и, к изумлению врагов наших, сделалась царством знаменитым».

Однако окончательно вытравить память об убитом им сопернике Гюрги все же не удалось. «Она долгое время именовалась Кучковым», – пишет Карамзин о Москве. А когда в 1174 году возвращались в родные земли из Византии двое сыновей Юрия Долгорукого, летописец упомянул, что они благополучно прибыли «до Кучкова, рекше до Москвы». И, кстати сказать, аж до XVII века один из районов Москвы, между Сретенкой и Лубянской, назывался Кучковым полем.

Однако отвлечемся от топонимики и обратимся вновь к любви.

Через некоторое время вдова Кучки умерла в преждевременных родах. Умер и младенец, и с тех пор Гюрги взял осиротевших (при его прямом и непосредственном участии) троих детей Ульяновны под свое покровительство. Улиту продолжала воспитывать нянька, Иоакима и Илью поселили при сыне Гюрги, Андрее, и определили их ему в служение. Впоследствии этого молодого человека назовут Андреем Боголюбским. Его и отроков, выросших около него, свяжет кровавая трагедия, от которой содрогнулся бы даже Шекспир – если бы знал хоть что-нибудь о русской истории.

К слову – следуя принципу «нет пророка в отечестве своем», наши родимые драматурги ничего особенного в истории Андрея Боголюбского не находили. К примеру, А.К. Толстой в свое время писал: «Сейчас я ищу – и не могу найти – сюжет для драмы в дотатарском периоде нашей истории... Андрей Боголюбский убит был пьяницами и трусами, а мне нужно что-то другое...»

А между тем Андрей Боголюбский был человеком неоднозначным, это раз, а самое главное – он с малолетства был определен сыграть в трагедии роль жертвы. Именно ему предназначено было стать козлом отпущения за грехи своего отца. Месть за любовь Юрия Долгорукого настигла его сына!

Характер у Андрея был совершенно неумный. Он многое унаследовал от отца: здоровую беспринципность, беспощадность к врагам, жуткое упрямство – и державное честолюбие. Не унаследовал Андрей от Гюрги только жадной любви к Киеву и к Южной Руси вообще. Когда Долгорукий воссел наконец на возделенный великокняжеский стол (в 1155 году), он выделил сыну в вотчину Вышгород, в старинные времена, между прочим, принадлежавший прародительнице суздальских князей – княгине Ольге.

Видимо, Андрей был глубоко равнодушен к историческим и родовым традициям: хотя он мог спокойно княжить в Вышгороде, пользуясь соседством, покровительством и защитой отца, ему там никак не сиделось. Нет, его тяготило отнюдь не мирное житье, его влекла не война сама по себе, хотя он был верным сподвижником отца во всех его походах, а при осаде Луцка в 1150 году проявил исключительную храбрость и даже чуть не погиб. Тогда он, не дав знать своим братьям, пошел с дружиною отражать вылазку, сделанную из города; прогнав врагов, молодой князь в запальчивости не заметил, что дружина отстала от него и что он один очутился в толпе обступивших неприятелей; только два «детских» (члены младшей дружины), и то позднее, последовали за ним. Андрей был ранен двумя копьями; какой-то ворог напирал на него с рогатиной. Помолясь святому Федору, память которого праздновалась в тот день, Андрей вынул меч, оборонился от нападения и ускорил из окружавшей его толпы. Когда он был вне опасности, раненый конь его пал, и Андрей велел похоронить его над рекою, «жалуя комонство его», прибавляет летописец.

Именно большей самостоятельности, чем та, которую он имел в Вышгороде, жаждал Андрей. К тому же его неумолимо влекло на север.

Что и говорить, юг Руси в то время был изрядно измучен набегами половцев, истощен княжескими усобицами. Разраставшемуся древу, некогда посаженному Игорем Рюриковичем, было уже тесно в пределах Киевского княжества. А северо-восток Руси набирал силу, восстанавливал свою историческую роль, поскольку как раз отсюда, а не из Киева, строго говоря, «есть пошла Русская земля».

И вот в том же 1155 году, даже не ощутив вкуса власти над Вышгородом, Андрей самовольно покинул княжество свое и отправился в обратный путь, в Суздаль.

Кто знает, может быть, он и не решился бы вот так откровенно выступить из воли отца, однако, по словам летописца, его на это «лестию подъяша Кучковичи». И правда: у двух отроков, к тому времени повзрослевших, ставших мужчинами и пользовавшихся полным доверием Андрея, была прямая и конкретная цель – рассорить отца с сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.